

СЕМЁН
УРАЛОВ

МИРОПОРЯДОК ПО-РУССКИ



Новая политика (Питер)

Семен Уралов

Миропорядок по-русски

«Питер»

2018

УДК 32:94(47)
ББК 66:63.3(2)7

Уралов С.

Миропорядок по-русски / С. Уралов — «Питер», 2018 — (Новая политика (Питер))

ISBN 978-5-4461-0628-8

Сегодня против России применяются те же методы борьбы, что применялись против Советского Союза накануне Второй и против Российской империи накануне Первой мировой войны. Ограничение внешней торговли (санкции), военные конфликты на сопредельных территориях – всё это признаки подготовительной фазы мировой войны. Хотим мы этого или нет, но Россию в начале XXI века ждет череда потрясений, связанных с испытанием прочности государства. Ответом на любую мировую войну может быть только предъявление нового миропорядка – более справедливого, логичного и эффективного мироустройства. Вопрос «или-или» стоит для России остро как никогда. Или суверенитет и миропорядок по-русски, или колонизация и деградация. Средний вариант, как это принято в русской культуре, отсутствует. Такова повестка XXI века. Повестка миропорядка по-русски. Семен Уралов – политолог, шеф-редактор и союзный интегратор аналитического проекта «СОНАР-2050». Специалист в области политической экономики и евразийских интеграционных процессов.

УДК 32:94(47)
ББК 66:63.3(2)7

ISBN 978-5-4461-0628-8

© Уралов С., 2018

© Питер, 2018

Содержание

| | |
|--|----|
| Введение | 7 |
| Глава 1. Кто обеспечивает миропорядок: краткая теория элит | 16 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 24 |

Семён Уралов

Миропорядок по-русски

© ООО Издательство «Питер», 2018

© Серия «Новая политика», 2018

* * *

Введение

Победа Дональда Трампа в США разрядила атмосферу в мировой политике, а особенно в России. Последние несколько лет обострение между администрациями Обамы и Путина достигло такого предела, какого не бывало со времен холодной войны.

Санкции, Крымский кризис, война на Донбассе, Минские соглашения – администрации Обамы удалось втянуть правящие элиты в глобальное противостояние. Ответ последовал в Сирии, где Москва поломала всю игру Вашингтону.

Удивительно, но победе Трампа больше радовались в России, чем в США. Больше всех горевали, конечно, украинские правящие элиты – Саакашвили мгновенно покинул пост губернатора Одесской области и начал публиковать свои фотографии с Трампом. Другие украинские политики уровня бывшего премьер-министра и действующего главы МВД после победы Трампа стирали свои записи в соцсетях, где активно агитировали «против».

Сложилась парадоксальная ситуация: выборы проходят где-то там в Вашингтоне, а мы за ними следим больше, чем за выборами в собственный парламент. То, о чем говорят публично и что обсуждают представители всех слоев общества – от простых граждан до правящих элитариев, – называется повесткой дня.

Можно констатировать: повестка дня была задана для всего постсоветского пространства. Кто-то ждал, что администрация Клинтон продолжит политику Обамы, усилив давление на Россию. Трамп же, наоборот, более острой критике подвергал Китай, отвешивая комплименты Путину и восторгаясь Россией.

В апреле 2016 года Трамп говорил: «Если мы сможем сделать для нашей страны такую замечательную вещь, как поладить с Россией, это было бы потрясающе, я бы очень хотел попробовать». К июлю будущий президент США уже говорил, что «хотел добиться больше, чем дружественной России, а не как сейчас».

С возникновением интереса правящих элит к смене власти в США в Москве, Киеве и других столицах бывших союзных республик появился спрос на экспертное мнение и комментирование процедуры смены власти в Америке. Всего за несколько месяцев те, кто вчера обсуждал войну в Сирии, а позавчера украинский кризис и войну на Донбассе, стали специалистами по американским выборам.

Хотим мы этого или нет, но мы будем жить в рамках повестки дня, которую нам задают Соединенные Штаты. Так устроена наша общественно-политическая модель – правящие элиты периферии стремятся быть похожими на образец. Поэтому любая частная корпорация, какой бы она ни была по происхождению – российской, украинской, казахстанской, польской, корейской или китайской, – рано или поздно становится похожа на частную корпорацию США.

Аналогично устроены и общественные модели: чем больше внедряешь проект «демократия», тем больше твоя страна становится похожа на США. Так, последние 50 лет весь мир форматируется по образу и подобию Соединенных Штатов. Это не хорошо и не плохо – так устроен мир в условиях однополярности.

Мы живем в рамках Pax Americana – миропорядка США. Политэкономическая модель современной России так или иначе копирует модель Соединенных Штатов Америки. В каждой постсоветской республике сформировались правящие элиты, которые сконцентрировали в своих руках политическую власть и экономическую собственность. Конкуренция внутри этих элит проходит в рамках партийной политической борьбы – результаты выборов ничего кардинально не решают, но позволяют выпустить пар избирателям.

Наши политики и политологи так пристально интересуются, как устроены выборы в США, потому что знают, что надо изучать образец.

То, что происходит сегодня с нами, называется колонизацией. Однако колонизацией не в экономическом смысле, а в культурном аспекте – как процессом вовлечения в имперский миропорядок путем интеграции правящих элит.

Колонизация проходит на всех уровнях общества. Как только вы решили, что хранить свои сбережения в долларах лучше, чем в родном рубле, тенге, гривне, лее или соме, – вас колонизировали. Колонизация – двусторонний процесс. И далеко не всегда он заканчивается катастрофой. Так, российские либералы говорят, что колонизация и подстройка под стандарты США сделают Россию более удобной и конкурентной страной. Почвенники и консерваторы хотят оградиться от колонизации, расставляя духовные скрепы и внедряя импортозамещение.

Но какой бы ни была позиция России, мы все равно движемся в рамках миропорядка, центр управления которым находится в США. Обладать истинным суверенитетом в условиях 21-го века – значит вырваться за пределы миропорядка по-американски. А для этого недостаточно ненавидеть «пиндосов» и собрать самую мощную ядерную ракету. Для этого надо представить собственный проект миропорядка по-русски. Тем более что 100-летний юбилей двух русских революций заставляет нас задуматься о том, что отсутствие проекта миропорядка по-русски привело к гражданской войне, голоду, эпидемиям тифа и холеры. То, что пережила Россия 100 лет назад, может и должно служить назиданием потомкам.

Низложение царя, Февральская, а затем Октябрьская революции должны были уничтожить Россию. Так и произошло в самом начале. Но затем историческая Россия стремительно возродилась под названием СССР. Хотя во главе «красной» России стояли вчерашние семинаристы, токари, налетчики и террористы, все равно мир увидел старый добрый миропорядок по-русски.

Так происходит, потому что миропорядок – это целостное понятие, которое не может быть сужено до сугубо идеологических или экономических рамок. Миропорядок базируется на имперской культуре, а идеология, финансы и армия являются лишь инструментами.

Столетний юбилей двух русских революций важен именно потому, что показывает кризис и возрождение миропорядка по-русски. Трагедию Гражданской войны «красной» и «белой» России невозможно понять вне кризиса монархического миропорядка по-русски. Каждой исторической трагедии предшествует политическая ошибка. История – это застывшая во времени политика: каждый исторический факт когда-то был политическим решением. И в свое время этот факт воспринимался современниками совершенно не так, как сегодня воспринимается нами.

Хрестоматийный маневр Кутузова с целью оттянуть армии Наполеона от снабжения был совершенно диким поступком для наших предков. Как так? Одноглазый полководец отдал Москву?! Французы сожгли Первопрестольную!

Хотя армией командовал Кутузов, главным в России все равно оставался император. Салоны Петербурга возмущенно шумели: «Почему Кутузов отступает?» Министры и послы шушукались по углам, что Москву сдавать нельзя и что Кутузов продан Наполеону, за что ему обещан маршальский жезл. Да и много всего говорили об отступлении Кутузова. И много советов царю давали.

Это потом, когда начнется бегство Наполеона из России, все поймут гениальный замысел Кутузова. Это потом Кутузова признают величайшим стратегом. Но сначала были осуждение, подозрение, интриги и перешептывания за спиной.

Сегодня сограждане обсуждают на кухнях и во дворах, как связаны санкции, новые налоги и рост цен с ростом авторитета России, с Сирией и Крымом. Так и 200 лет назад наши предки обсуждали маневры Кутузова: одни считали, что это хитрый план, а другие говорили, что «Кутузов слил».

Поэтому вне зависимости от того, как сегодня официальная пропаганда относится к событиям 1917 года, исторический факт имел место быть. Сто лет назад с Россией произо-

шла трансформация – из абсолютной монархии в советскую республику. Представьте себе: в декабре 1916 года Россией правит Николай II с министрами, а в декабре 1917-го – уже Владимир Ленин с народными комиссарами.

Эта трансформация сопровождалась сверхинтенсивным развитием. Еще идет Гражданская война, а большевики закладывают электростанции и занимаются ликвидацией безграмотности. В современных условиях запуск такого проекта, как ликбез, занял бы несколько лет: пока разработали законодательную базу, пока приняли в двух чтениях, пока подписал президент, пока расписали подзаконные акты и инструкции, пока провели обучающие семинары и выделили строку в федеральном бюджете – так и десять лет прошло. Большевики же в условиях гражданской войны управляли глобальными проектами и ставили задачи на десятилетия вперед.

Столетие русских революций в России – важнейшее событие. Которое, к сожалению, политизировано. И очень зря. Потому что развитие России есть постоянные кризисы и их неистовое преодоление. Реформы Петра Великого, которые дали России выход к Мировому океану, стоили тысяч жизней – начиная от погибших на стройках Петербурга и заканчивая взятыми в плен в Прутском походе и убитыми в великих битвах. Для Петра I победа над шведами под Полтавой – это великое событие. А для псковского гренадера, которому расплющило ногу шведским ядром, виктория под Полтавой видится немного по-другому. А колокола, который Петр I повелел переплавить на пушки, были произведениями искусства. Таких примеров диалектического развития России очень много: успехи государственного строительства достигались сверхнапряжением общества. Каждая победа на фронте оплачивается сверхурочным трудом в тылу. А если посмотреть на Первую мировую войну с точки зрения военного интенданта, то мы увидим большой бизнес: если скормить солдатам несколько составов тухлой тушенки, то можно построить доходный дом на Васильевском острове.

Тем не менее, говоря о реформах Петра Великого, мы предпочитаем вспоминать только позитивные и полезные последствия. А об издержках, ошибках и порой преступлениях предпочитаем забывать.

Поэтому для нас сегодняшних, живущих в рамках миропорядка по-американски, так важно нащупать идеи миропорядка по-русски для 21-го века. Это очень хорошо видно на примере кризисов власти в России.

Последний кризис власти и рождение нового миропорядка по-русски состоялись в 1917 году. Потому что это была в первую очередь русская революция. Революция была русской не в националистическом смысле крови и почвы, а в имперском смысле – на уровне культуры. Потому что если бы смена власти от диктатуры монархии к диктатуре партии большевиков не базировалась на мировой культуре, то это событие не имело бы исторических последствий. Было много попыток провести социалистический эксперимент на региональном уровне. Где-то это вполне получилось – например, на Кубе. Но Куба – остров, а кубинская культура – периферия испанской имперской культуры. Вот если бы вместо Кубы Фидель Кастро взял власть в Бразилии, то это могло запустить процессы по всей Южной Америке. В политике размер государства имеет ключевое значение.

Поэтому сначала «красные» победили в России и только потом смогли победить на Украине, в Белоруссии, на Кавказе и в Средней Азии. Большевики еще не добились «белых» в России, но они уже рвутся Польшу, Германию, на Ближний Восток. Даже в Персии с 1920 по 1921 год была микроскопическая Персидская советская (Гилянская) республика. Ленин уже пять лет правит в московском Кремле, последний царь давно расстрелян в Екатеринбурге, а гражданская война в Сибири еще идет.

«Красный» проект миропорядка по-русски – пример того, как можно управлять государством в кризисных условиях. И только поэтому Русская революция 1917 года требует изучения и извлечения уроков.

Вторая причина кроется в крайне нездоровой внешнеполитической обстановке, в которой оказались сегодня Россия и ближайшие союзники. Моя первая книга «Два капитала. Как экономика втягивает Россию в войну» посвящена анализу причин и прогнозу возможных последствий Третьей мировой войны, которая уже идет в гибридных формах на Украине и в Сирии. Если вкратце, то расклад сил на карте Евразии таков, что политэкономическая модель России является наиболее слабым элементом в архитектуре глобального капитализма. Сырьевой характер внешней торговли, монополия банковского капитала, спекулятивное кредитование, слаборазвитое производство и переработка, перегруженность чиновного аппарата и дублирование функций, зарегулированность бизнес-процессов, ярко выраженный олигархический лоббизм – все это делает Россию уязвимой для поражения в гибридной мировой войне. Можно проиграть войну, а потом разориться, выплачивая контрибуции. А можно сначала разориться, а потом проиграть войну, потеряв территории, граждан, промышленность, науку и достоинство. Собственно, с Советским Союзом был реализован как раз второй сценарий – сначала разоряем, а потом взимаем контрибуцию. Похоже, что Российскую Федерацию гонят на те же флажки. И главная слабость современной России – как и 100 лет назад, так и в 1991 году – в неэффективном устройстве государства и несправедливой организации общества. Когда 25 лет назад разрушали правящую партию коммунистов, а вместе с ней и СССР, большинство граждан смотрели на эти процессы пустыми глазами обывателей. Никто не бросился защищать СССР, потому что граждане в массе своей были возмущены несправедливостью распределения общественных благ коммунистами. Членам партии – спецпайки, простым гражданам – очереди. У вожаков – бани с комсомолками, а простой рабочий деньги на книжку кладет, потому что вроде и зарплата высокая, а купить нечего. Другой вопрос, что на смену социалистической несправедливости пришла несправедливость капиталистическая.

Для нас сегодня важно то, что против России применяются те же методы борьбы, что применялись против Советского Союза накануне Второй мировой войны и против Российской империи накануне Первой. Ограничение внешней торговли (санкции), военные конфликты на сопредельных территориях (Сербия-1914, Испания-1938, Вьетнам-1968, Афганистан-1979, Украина-2014, Сирия-2015) – признаки подготовительной фазы мировой войны. Учитывая, что Россия, США и Китай обладают ядерным оружием, способным уничтожить планету, Третья мировая война вряд ли перейдет в фазу открытого противостояния. Если же это произойдет, то никакие прогнозы просто не имеют значения, потому что общество может быть отброшено в дикие нефеодалльные времена, где корпорации будут играть роль рыцарских орденов, а частные армии начнут продавать свои услуги на онлайн-аукционах.

Итак, Третья мировая война – уже реальность. Россия приняла вызов в тот момент, когда решила прирасти Крымом. Результатом каждой мировой войны является перемещение границ – и Россия, превентивно расширив свои, подала заявку на участие в мировой войне. Крым был гибридной ловушкой сродни разделу Польши в 1939-м – формальный повод для втягивания в передел мира.

Поэтому опыт кризиса государственной власти в России накануне Первой и Второй мировой войн имеет практический смысл. Первый раз Россия не выстояла и рухнула под грузом противоречий. Второй раз Советский Союз не только устоял, но и расширил свое влияние на Китай, Венгрию, Польшу, ГДР, Вьетнам, Болгарию, Румынию и еще два десятка государств в Африке, Южной Америке и на Ближнем Востоке.

Двадцать пять лет назад геополитические амбиции и желание доминировать в мировом масштабе не смогли справиться с внутренними противоречиями вроде дефицита, квартирного вопроса и дешевых автомобилей и шмоток. Наибольший осколок СССР – его формальный наследник Российская Федерация – оказался в не менее сложных условиях, чем Российская империя в 1914-м и Советский Союз в 1941-м. Поэтому опыт ошибок и успехов наших предков накануне мировых войн может и должен быть предметом государственной идеологии. Потому

что идеология «стабильности» уже не дает гражданам ответа на основные вызовы времени. В частности, в рамках идеологии «стабильности» нет проекта будущего. Консерватизм хорош в том случае, если сохраняешь лидерские позиции. Если же в нынешней системе координат Россия является ресурсным придатком Нью-Йоркской и Лондонской бирж, где определяются цены на русскую нефть и газ, то консервация такого миропорядка приведет к еще большей колониальной зависимости России.

Поэтому опыт 1917 года может помочь нам увидеть, как установить качественно новый миропорядок, даже формально проиграв в мировой войне. Иногда проще не платить по счетам бездарных предшественников, а учредить новое государство и начать с нуля. Этому нас учит опыт РСФСР, рожденной в горнилах мировой и гражданской войн.

Поэтому хотим мы того или нет, но Россию в начале 21-го века ждет череда потрясений, связанных с испытанием прочности государства. То, что мы называем мировой войной, является не чем иным, как извержением вулкана национальных, гуманитарных, социальных, культурных и деловых противоречий. Каждый участник хочет решить собственные проблемы за счет грабежа проигравших. Так, в 1918 году в разгар Гражданской войны на Дальнем Востоке высаживаются оккупационные войска Японии и США. Пока «красные» и «белые» выясняли между собой, кому принадлежит власть в Москве, японцы и янки уже пытались «отжать» Сибирь и Дальний Восток.

Такова реальность мировых войн. Проигравшую сторону грабят и пускают по миру. Так, по результатам Первой мировой у России отняли Украину, Новороссию, Бессарабию, Тавриду, Белоруссию, Польшу, Финляндию и Прибалтику.

Россия была и остается самым ценным призом. Причем ценностью является не вся Россия, а то, что сегодня называется Сибирским, Уральским и Дальневосточным федеральными округами. Россия ныне, как и 100 лет назад, представляет собой две неравномерно развитые части: густонаселенную и полную противоречий европейскую Россию и малонаселенный и содержащий всю таблицу Менделеева суперрегион Сибирь. Россия интересует наших конкурентов как колония, и никто это особенно не скрывает.

Система государственной власти в Российской Федерации сегодня напоминает систему власти дореволюционной России. Фактически мы имеем дело с автократией в форме суперпрезидентской модели государства. Унитарные методы управления в федеративной стране обеспечиваются силовыми органами, государственными монополиями, лояльной олигархией, федеральным телевидением и культом личности верховного правителя. Все это подается в идеологическом коктейле, состоящем из образов Великой Отечественной, иконы Николая II, «мобилия», «вежливых людей», Стаса Пьехи, Дмитрия Киселева, «Единой России», Бориса Акунина, Анатолия Чубайса, «Камеди-клуба» и премьер-министра с айфоном. В центре политической идеи «стабильности» стоит образ авторитетной власти – мудрого, заботливого и трудолюбивого верховного правителя. Вокруг этой центральной фигуры строится вся политическая конфигурация. Интересно, что идентичные модели зародились и развиваются и в России, и в Белоруссии, и в Казахстане. Об этом феномене стремления бывших советских людей к образу сильного повелителя, практически монарха, мы будем говорить отдельно.



Рис. 1а. Разные годы, одинаковые цели. Планы раздела России иностранными интервентами в ходе Гражданской войны 1918–1922 годов



Рис. 1б. Разные годы, одинаковые цели. Планы раздела СССР нацистской Германией в 1941 году

Результаты выборов из года в год показывают сплоченность граждан вокруг верховного правителя России и его партии. Однако явка на выборы указывает на усталость граждан и неприятие государственной пропаганде. Между государством и обществом возникло достаточно глубокое отчуждение. Правящие элиты живут в своей повестке дня, народные массы практически не вовлечены в политическую и экономическую деятельность, занимая пассивную позицию.

Эти два мира пересекаются лишь на федеральном телевидении, где происходит интерпретация решений правящих элит на язык народных масс.

Российская Федерация подошла к серьезным испытаниям в достаточно разобранном состоянии. Причем в первую очередь эта разобранность чувствуется в идеологической сфере. С одной стороны, есть амбиции занять место сверхдержавы, пустое с момента краха СССР. Но это место, похоже, уже занято коммунистическим Китаем. По факту Российская Федерация является наибольшим осколком исторической России – наследницей РСФСР. Историческая Россия сегодня ужалась до размеров одной, хоть и самой большой республики Советского Союза. России сегодня нет на Дунае, на Тянь-Шане, на Кавказе и Памире. Самый большой торговый флот мира теперь не наш и не базируется в Одессе. Между Ереваном и Баку уже 25 лет идет война, а когда эти республики были частью исторической России, то таких проблем не наблюдалось. Саакашвили на посту президента Грузии начал войну внутри республики – против осетин, с которыми бок о бок живет грузинский народ не одно столетие. В Туркменистане и Таджикистане русских практически не осталось, в то время как коренные жители Средней Азии активно переселяются в города Урала, Сибири, Поволжья и Москву с Питером.

Для наших предков что в Российской империи, что в СССР сегодняшние новости из Грузии, Украины, из Армении и Таджикистана показались бы бредом сумасшедшего. Но в нашей реальности это стало нормой. В нашей реальности тридцатилетний офицер из Киева дает приказ открыть артиллерийский огонь по жилым кварталам Донецка. Где на блок-посту стоит такой же тридцатилетний ополченец из Горловки. И еще два года назад они вместе болели за сборную Украины на Евро-2012, а сегодня один хочет убить другого. Это реальность 21-го века. А то, что деды офицера из Киева и ополченца из Донецка вполне могли гореть в одном танке под Сталинградом, – это уже не наша реальность.

И в этой реальности Российская Федерация является формальным, но не фактическим наследником Советского Союза и Российской империи. Потому что право быть центром силы не передается по наследству. Это право надо заслужить. Как в свое время заслужил Петр Великий, выбив с пьедестала мировых держав Швецию. Так сделал Иван Грозный, покорив Казань, подчинив Урал и получив из рук Ермака Сибирь. Так сделал Ленин, отвоевав Россию в Гражданской войне и собрав СССР. Аналогично поступил Сталин, победив Германию, присоединив половину Европы и внедрив в Китае «красный» миропорядок.

Суверенитет и статус мировой державы надо постоянно подтверждать. И если ты перестанешь это делать, то рано или поздно тебя порвут на части, а самые лакомые куски территории колонизируют, отдав на растерзание корпорациям. Такова судьба Югославии, Ливии, Ирака. Такова судьба Османской империи, от которой осталась третья часть – Турецкая республика. Такова судьба Испании, которая еще 200 лет назад повелевала Южной Америкой, а сегодня не может справиться с безработицей, уровень которой приближается к 25 %. Внуки гордых испанцев, которые всего 200 лет назад устроили Наполеону жесткую партизанскую войну, 500 лет назад открыли полмира, сегодня просят у Еврокомиссии в долг, чтобы покрыть дефицит бюджета. Наследники гордых испанских грандов спиваются на Ибике, а потомки бойцов непобедимых терций унижительно живут на пособие по безработице.

Так же как праправнуки янычар, которых боялись в Вене, Риме, Варшаве и Петербурге, сегодня содержат отели в Анталии и Алании и заставляют соплеменников угождать пьяным бургерам из Мюнхена и барыгам из Подмосковья. Разные исторические судьбы у разных исторических народов. И никто не застрахован от проигрыша в мировой конкуренции и перехода в разряд колоний – когда твоей судьбой распоряжаются более сильные.

Для России как для минерально-сырьевой кладовой Евразии мировой конфликт – это всегда вопрос о суверенитете. Не потому, что мы хорошие, а враги плохие. Просто для наших конкурентов русские – это такое же историческое недоразумение, как североамериканские индейцы или аборигены Австралии. Которым от предков достались несметные богатства. И

эти богатства надо у нас либо выменять на безделушки, как остров Манхэттен, либо загнать нас в резервации. Такова реальность любой мировой конкуренции. И тот, кто верит, что 21-й век – это век гуманизма, общечеловеческих ценностей, демократии, свободы слова, айфонов и барбершопов, – наивная жертва либеральной пропаганды. Потому что такой человек окажется совершенно не готов к реалиям нынешнего столетия и, скорее всего, станет, по меткому выражению Гегеля, «навозом истории».

Вопрос о суверенитете для России всегда касается миропорядка – и в философском, и в буквальном смысле слова. Миропорядок – это суверенитет (право распоряжаться собственной судьбой проявляется в создании собственных правил и законов). Миропорядок буквально – это организация мирной жизни и поддержание правопорядка.



Рис. 2. Голландцы покупают у индейцев остров Манхэттен за 24 доллара

Для России вопрос о миропорядке актуален всегда, потому что Россия была и остается гарантом безопасности целого континента – Евразии. Как только Россия входит в период смут и гражданских войн, то начинает лихорадить весь континент по периметру. Так, революция 1917 года запустила аналогичные процессы на Кавказе, Украине, в Средней Азии и Сибири. «Красные», «белые», «зеленые» республики возникали как грибы после дождя. Объединить их в единое целое смогли большевики, потому что у них был собственный проект будущего. То есть миропорядок. «Красные» победили 100 лет назад не потому, что были умнее или лучше «белых», а потому, что глядели в будущее – предложили «красный» миропорядок и стали реализовывать его.

Такую же проблему миропорядка в свое время решала русская монархия – после Смутного времени, историй с Лжедмитриями и польской интервенцией. Избрание царя представителями от всех сословий для 17-го века было не менее революционной идеей, чем социализм в 20-м веке. Так же как реформы Петра Великого, который создал новую элитарную прослойку – дворян – в противовес боярам, были управленческой революцией для века 18-го. Но победа над Смутой и реформы Петра не были бы возможны, если бы у царизма не было своего проекта будущего. Своего миропорядка.

Имперский миропорядок русского царизма был не менее привлекателен для своего времени, чем советский социализм. Поэтому в Российскую империю ехали переселенцы из вроде бы благополучных княжеств Германии, Голландии и Бельгии. В Бессарабии есть деревня Шабо, основанная швейцарскими колонистами, которые откликнулись на призыв осваивать новые земли на юге России. Аналогично в Поволжье появились немцы.

Ответом на любую мировую войну может быть только предъявление нового миропорядка – более справедливого, логичного и эффективного. Потому что любая война, даже мировая, все равно заканчивается миром. И тогда России в очередной раз придется предъявить собственный миропорядок. Но это уже будет другая Россия, которая выкуется в горнилах 21-го века. Будут сдвигаться границы, пустеть одни и перенаселяться другие города; после всех этих испытаний России предстоит явить Евразии собственный миропорядок. Потому что если мы не сделаем этого, нам придется жить в рамках чужого миропорядка. То есть откатываться дальше и дальше на периферию мировой культуры. Тогда русскую культуру ждет постепенное угасание, русский народ – ассимиляция и растворение, а русское государство – демонтаж и колонизация более успешными конкурентами.

Вопрос «или – или» стоит для России как никогда остро. Или суверенитет и миропорядок по-русски, или колонизация и деградация. Средний вариант, как это принято в русской культуре, отсутствует. Такова повестка 21-го века. Повестка миропорядка по-русски.

Глава 1. Кто обеспечивает миропорядок: краткая теория элит

Изучение отечественной истории с детства до вуза проходит отвлеченно-нейтрально. «И вот решил Петр Первый прорубить окно в Европу – и основали Санкт-Петербург», – так нам объясняют важнейшие исторические решения со школьной скамьи. «Ермак с отрядом донских и волжских казаков завоевал для Московского царства Сибирь», – рассказывает нам учебник истории. «Ленин с большевиками организовал революцию, победил в Гражданской войне и основал Советский Союз», – говорит школьный учитель.

Получается, что мы все время изучаем историю России, но на деле она оказывается историей конкретных людей, которые принимают вполне конкретные политические решения. Судьба России, да и любой другой страны всегда куется конкретными людьми. Но наши учебники и учителя ни в коем случае не объясняют нам, как принимаются эти решения, как, например, конфликтуют между собой элитарные группы в ходе борьбы за власть.

В учебнике по истории борьбе Петра I с боярским олигархическим лобби посвящено полстранички: мол, брил бороды и заставлял сыновей олигархов своего времени учиться инженерному делу и наукам. А вот военным походам уделено очень много внимания. Хотя на самом деле борьба с олигархическим лобби боярских родов была самым важным политическим процессом. Петр I системно менял правящие элиты, зачищая семейные связи. Сегодня деятельность Петра либеральные СМИ называли бы репрессиями, а государственные – борьбой с коррупцией и/или врагами народа. Потому что главная проблема отсталости допетровской России крылась в неэффективной системе государственного управления, которая обросла семейными связями. Один боярский род традиционно сидел на смоленской и псковской таможнях, второй контролировал торговлю северным лесом, третий сидел на финансовых потоках от экспорта сибирских мехов в Англию. Россия к моменту прихода к власти Петра Великого представляла неплохое предприятие по окормлению правящих элит. Влияние династий русских бояр в 18-м веке было не в сравнение выше, чем у их европейских коллег. Влиятельные русские князья владели землями размером с гордое и независимое германское княжество. А купцы и заводчики Строгановы для поддержания порядка на своих фабриках и рудниках содержали частные военные подразделения в городах и острогах.

Надо сразу договориться о терминах и понятиях. Во-первых, когда мы говорим о власти в государстве, то всегда говорим о конкретной группе лиц – назовем их правящими элитами. Элиты не в смысле «наилучшие представители», а в социально-биологическом смысле – особи, которые оказались на вершине социальной и пищевой цепочки в своем коллективе. В рабовладельческом Риме великие поэты, философы, политики-гуманисты владели десятками и сотнями рабов. Это не было зазорным – рабство было элементом экономического распределения. Ты не мог заниматься философией, если твоими бытовыми заботами не занималось несколько рабов. Соответственно правящие элиты в условиях рабовладельческого строя сами должны быть рабовладельцами.

В условиях феодального Московского царства Петру I достались те правящие элиты, которые формировались столетиями. Других просто не было. И вот насаждением новой модели правящих элит – дворянства – Петр Великий и занимался всю свою жизнь. Дворянин – это человек, который служит империи в лице императора и за это получает от государства титул (официальное признание империей права на вхождение в правящие элиты) и землю с крепостными. Но титул и землю еще надо заслужить. А вот в армии служить дворянин просто обязан. Петру I надо было откуда-то брать новые правящие элиты. А где их взять, если вокруг все поросло боярскими семьями, которые владели Торжком и Тверью еще со времен Мономаха?

Еще хуже ситуация была на местах – администрации были на корню куплены местной олигархией. Владимир, Рязань, Нижний Новгород, Псков, Вологда, Ярославль – на каждой этой древней земле жили сотни именитых потомков Рюриковичей. И все они претендовали на роль в государстве. Хоть на маленькую, но должность. Понятно, что с такими правящими элитами никакие петровские реформы реализовать было невозможно.

Поэтому была придуман проект «дворянство» – создание новой элитарной прослойки, куда можно попасть, не будучи знатного боярского рода. Так Петр Великий и стал великим – потому что обновил правящие элиты за счет проекта «дворянство». Дворянин – это гражданин, который служит империи. За это он может получать титулы и земли. Если дворянин будет дерзким и верным, то сможет основать род более влиятельный, чем старые бояре Шереметевы. Вспомните феномен Александра Меншикова – правой руки Петра Великого. Сын простых городских жителей (мещан) с детства дружил с будущим императором. Петр I возвысил Меншикова, несмотря на то что тот был из низов русского общества. По одной версии, князь Меншиков торговал пирожками, по другой – происходил из беднейших литовских дворян. Но факт остается фактом – начинал он с денщика царя. Ни одно решение Петра не принималось без Меншикова. Он командовал кавалерией, водил в бой авангард в Полтавской битве, строил Петербург, побеждал шведов в морских боях. И все это он смог делать благодаря институту дворянства, который смог привлечь инициативных людей в правящие элиты. Меншиков стал олигархом своего времени и после смерти Петра I несколько лет правил империей руками вдовствующей императрицы Екатерины I.

Однако боярская олигархия не сдавалась просто так, потому что богатые и влиятельные роды не хотели просто так отдавать государственные посты, привилегии и терять влияние. Поэтому Петр I и сбежал в Петербург – дабы максимально обрубить социальные связи между старыми и новыми правящими элитами. Старой боярской олигархии Петр оставил в кормление Москву и крупные города вроде Нижнего Новгорода и Ярославля. Для новых правящих элит – дворянства – Петр основал столицу и направил их энергию на завоевание новых земель. Старая боярская элита осталась не у дел. Дворяне отвоевывали у турок побережье Азовского моря и закладывали Таганрог, а бояре плели интриги, но записывали по благу своих сыновей в дворянские гвардейские полки. Дворянство стало социальным институтом – так появились «птенцы гнезда Петрова» – плеяда талантливых людей, которые смогли прорваться в правящие элиты благодаря социальным лифтам дворянства.

Мы не знаем, действовал Петр I интуитивно или разрабатывал теорию. Но удивительно, что спустя 200 лет похожие задачи решал Владимир Ленин. Получив всю полноту власти, Ленину, как и Петру I, пришлось решать вопрос о формировании новой правящей элиты. В наследство от царской России остался бюрократический аппарат, опереться на который большевики не могли, потому что это противоречило самой идее диктатуры пролетариата над остальными социальными группами. Ленину, как и Петру I, надо было решить проблему создания лично преданной элиты. Ленин решил ее с помощью партийной диктатуры. Петр I открыл доступ в правящие элиты с помощью дворянства, Ленин решил эту задачу с помощью партии. Принадлежность к партии открывала огромные перспективы – ты сразу попадал в касту избранных. Партийцы ВКП(б) – это дворяне 20-го века с точки зрения социальной функции. Итак, мы видим: несмотря на то что Петр I был абсолютным монархом, а Владимир Ленин – партийным диктатором, и царям и большевикам приходилось решать сходные задачи.

Принадлежность к правящим элитам характеризуется уровнем влияния. А влияние состоит из власти и собственности. Начальственный пост и размер капитала – вот центральная характеристика принадлежности к правящей элите. Частный капитал и политическая власть – всегда две стороны одной медали. Господствовать можно только в том случае, если ты контролируешь политические процессы и управляешь экономическими активами. Но господствовать единолично невозможно, поэтому нужна команда/дружина/партия людей, на которых можно

опереться и которым можно доверить часть власти. Так появилось дворянство, так появилась партия ВКП(б) – КПСС.

Как бы ни назывались правящие элиты, это всегда небольшая группа (от 2 % до 5 % от всего общества в зависимости от социального строя). Этих людей объединяют общность целей, желание занять влиятельное место на социальной лестнице и жажда сколотить крупный капитал. Капитал – всегда страховка на случай, если судьба выбросит за борт жизни. С большой властью приходят очень большие капиталы. Тот же Александр Меньшиков многократно был изловлен на воровстве. Допуск в правящие элиты – как выигрыш в лотерею. Однако входной билет выписывают далеко не всем. Значительная часть сограждан всю жизнь стремится попасть в правящие элиты, но застревает в управленческой и культурной прослойке. Правящие элиты, будучи вовлеченными в государственные дела и крупные экономические процессы, вынуждены делиться частью прибыли с посреднической группой – **управленческой и культурной прослойкой**. Эта социальная группа – управляющие чужими активами от автомойки до нефтяной компании, артисты и журналисты, менеджеры корпораций и владельцы автосалонов, депутаты областных дум и мэры городов. В западной социологии эту прослойку общества называют *up-middle* (высший средний) и *middle* (средний) классы. Собственно вокруг манипуляций интересами того самого среднего класса и строится нынешняя модель electoralной демократии. Средний класс стремится сохранить свои привилегии, поэтому старается всеми силами прорваться в правящие элиты. Многие люди десятилетиями делают карьеру в частной корпорации, чтобы потом по квоте попасть в законодательное собрание. Затем по квоте этой же корпорации попасть на должность вице-губернатора. Еще пара десятилетий – и, завязав прочные связи и отношения, перед пенсией попасть на должность федерального замминистра. Эта позиция позволяет пролоббировать несколько федеральных тендеров по интернетилизации угольных шахт Заполярья – и ты в дамках. Несколько миллионов долларов отложены наличными в надежном месте. Пресловутый средний класс видит своей главной целью хотя бы на время попасть в правящие элиты. О мотивации среднего класса, его ожиданиях и о манипуляциях им написаны сотни книг. Тем, кто интересуется этой темой, я бы рекомендовал книгу Олега Матвейчева «Уши машут ослом», а также «Политические технологии» Евгения Малкина и Евгения Сучкова. Мы же в этой книге для чистоты понимания будем называть эту социальную группу **управляющей прослойкой**. Отличие правящих элит от **управляющей прослойки** в том, что первые задают коридор решений для вторых. Правящие элиты – это класс крупных собственников. Управляющая прослойка – это приказчики. И дело не всегда в абсолютной величине капитала. Судьба Ходорковского или Януковича показывает, что деньги – критически важный, но не главный ресурс. Иногда от воли и смелости зависит больше, чем от поста и капиталов. Управляющая прослойка является распорядителями воли элит правящих. Хотя при этом они сами могут быть миллиардерами, но в России не застрахованы от судьбы Ходорковского или Березовского. А в США, будучи миллиардером, вы можете стать президентом – как Трамп.

Правящие элиты концентрируют не только власть, но и сверхкапитал – средства производства, банки, сырьевые монополии, машиностроительные холдинги и т. д. Управляющая прослойка имеет доступ только к частному капиталу. Несколько миллионов долларов, которые прижимистый мэр города вложил в автосервис, прачечную и ресторан, никакой погоды не делают и значимым активом не являются. Сверхкапитал, к которому имеют доступ правящие элиты, всегда является политэкономическим активом. Сверхкапитал – это больше, чем просто деньги. Пост директора «Роснефти» значит намного больше, чем контроль над всеми торговыми точками шаурмой в России, хотя наличная выручка от продажи шаурмы будет, возможно, выше. Правящие элиты делятся с управляющей прослойкой льготным доступом к частному капиталу. Эта прослойка нужна правящей элите, потому что основными массами населения нужно еще и управлять.

70–80 % любого общества – это народные массы, то есть население, которое делится частью результатов своего труда с правящими элитами. Этот процесс назывался в разное время оброком, барщиной, налогами, данью. Мы будем называть эту самую большую группу обществ податным сословием, то есть людьми, которые платят подать.

Податное сословие – это учителя, мелкие и средние предприниматели, студенты, полицейские, пенсионеры, врачи, служащие, крестьяне. Податное население никакого отношения к власти и капиталу не имеет. Раз в несколько лет оно выполняет ритуал участия в выборах и передачи власти правящим элитам. В нашем, постсоветском, случае податное население полностью поддерживает правящий курс и гарантирует верховному правителю тотальную лояльность. Причем эта модель реализована и в Российской Федерации, и в Казахстане, и в Белоруссии.

Податное сословие имеет доступ к личным сбережениям и кредитам – правящие элиты всячески агитируют и склоняют податное сословие к активной жизни в долг. Дело в том, что кредит – это еще и эффективная форма сдерживания социальных протестов: человек, который работает на трех работах, чтобы расплатиться по кредитам, ни о чем, кроме своих долгов, думать не будет. Так до пенсии и проработает. Потребительское кредитование – одна из форм закрепощения свободного гражданина. Поэтому чем более развито современное общество, тем более закредитован простой гражданин. Но среди податного сословия еще есть значительная часть нищих – людей, которые даже не имеют доступа к кредиту. Нищие – это каста социально проклятых – вечное утешение для закредитованного гражданина.

Вот приблизительная схема организации общества – она нам пригодится на протяжении всей книги. Может колебаться процентный состав каждой группы, но правящие элиты (2–5 %) всегда стремятся сохранить и передать по наследству власть и собственность. Это базовый инстинкт человека – передать своему потомку то, что ты нажил и сберег.

Так начинаются окостенение и вырождение правящих элит. Всего за 200 лет дворяне, которые были прогрессивной и эффективной социальной группой при Петре Великом, к 1917 году массово вырождаются. Дворянство выродилось так же, как перед этим боярство. На смену дворянам пришли большевики. Которые в свою очередь к 1980-м годам выродились и захотели передать власть и собственность по наследству. Так появились постсоветские правящие элиты. Стандартный кризис, в котором Россия оказывалась уже неоднократно. И каждый раз решить задачу удавалось, предложив новую схему формирования правящих элит.

Сегодня Россия находится в ситуации, схожей с ситуацией времен Петра Великого. Старые правящие элиты, рожденные в пучине приватизации 1990-х и вскормленные нефтедолларами нулевых, явно не годятся для грядущих испытаний и мирового конфликта, который уже разгорается, правда, в гибридных формах. Нынешние правящие элиты озабочены сохранением статус-кво и пристраиванием наследников на высокие посты. Посмотрите, где и кем работают дети министров, губернаторов, руководителей госкорпораций и монополий. Мы сможем увидеть, что начинают создаваться роды, схожие с боярскими родами допетровской Руси. Государственная власть и частный капитал сращиваются. Государственный чиновник после 18:00 становится олигархом, а депутат Госдумы больше думает о лоббизме, чем о законотворчестве.

| Социальные группы | Роль в государстве | Влияние |
|--|--|---|
| Правящие элиты (2–5 %) | Высшая номенклатура, руководители корпораций, министры, генералы, олигархи, церковные иерархи | Концентрация и управление сверхкапиталами (банки, сырьевые монополии, машиностроительные холдинги и т. д.) Лоббирование интересов на уровне законодательства Управление государственным и отраслевыми бюджетами |
| Управленческая прослойка (5–15 %) | Топ-менеджмент, чиновники, мэры городов, депутаты областных дум, предприниматели, судьи, адвокаты, популярные артисты, спортсмены и телезвезды | Накопление и инвестирование частного капитала (недвижимость, строительство, торговый бизнес и сфера услуг). Лоббирование собственных интересов в органах власти |

| Социальные группы | Роль в государстве | Влияние |
|-------------------------------------|---|--------------------------------------|
| Податное население (40–60 %) | Налогоплательщики: служащие, работники, мелкий бизнес, самозанятые, крестьяне, творческая интеллигенция, чиновничество, учителя и врачи | Личные сбережения и доступ к кредиту |
| Нищие (20–70 %) | В эту группу во время экономических кризисов могут попадать даже пенсионеры, учителя, врачи и мелкий бизнес – до 2/3 общества. Это наиболее уязвимая социальная категория, и по ее расширению/сужению можно говорить о социальном комфорте в обществе | Лишены доступа к кредиту |

Окостенение правящих элит приводит к дезорганизации в управляющей прослойке. Менеджеры и посредники понимают, что правящая элита формирует закрытую касту. Все билеты проданы – последний социальный лифт в правящую элиту ушел в 2000 году. Теперь по социальной лестнице надо идти пешком, а лестница высотой с Потемкинскую. Начинается бурление среди управленческой прослойки – «бунт миллионеров против миллиардеров». Собственно, Болотная в Москве и была той самой попыткой управляющей прослойки выразить недовольство окостенением правящей элиты. Вспомните: в Болотном бунте участвовали вполне себе успешные и обеспеченные люди из числа «креативного класса». Да по большому счету любая Болотная (она же Майдан) – это всегда социальный протест управляющей прослойки против закрытости правящей элиты. Другой вопрос, что даже после успешной Болотной/Майдана в правящую элиту попадают еще более алчные персонажи из управляющей прослойки.

Но тем не менее такова структура государства и общества. И сегодня в России остро стоит задача формирования новой правящей элиты.

Вступление в мировую войну без смены правящей элиты – печальный опыт Первой мировой. Российскую империю погубили вороватые интенданты, поставляющие гнилые шинели в армию, и спекулянты, которые пускали на черный рынок фронтową тушенку. Мировой конфликт – хоть прямой, хоть гибридный – это всегда большой бизнес. И если не провести смену правящих элит, то они просто разорят страну.

Психология поведения любого элитария – забраться повыше и сколотить частный капитал побольше. Особо дерзкие авантюристы жаждут свершений и подвигов. Но все равно эти подвиги оборачиваются приобретениями, капиталами и высоким номенклатурным положением.

Есть гипотеза, что проблема новой формы организации правящих элит – одна из центральных проблем 21-го века. Потому что если до 19-го века схема монархии и дворянства была понятная, то 20-й век прошел под эгидой партий и вождей. 21-й век характеризуется приходом к власти харизматически слабых политиков – сегодня бал правят кабинетные функционеры. Аппарат поглотил политическую партию. Но аппарат – это средство, а не цель.

Хотим мы этого или нет, но в России либо оформятся качественно другие правящие элиты – назовем их **новым дворянством**, либо социально-экономический кризис будет углубляться, общество будет расслаиваться, а противоречия – накапливаться. Это, по мнению марксистов, может создать революционную ситуацию, а по мнению евразийцев – стать причиной вымирания этноса и гибели государства.

Вопрос о **новом дворянстве** предстоит решать, и очень скоро. Потому что если не решить этот вопрос, то законстенившее боярство 1990-х и нулевых попросту разорит Россию в ходе мирового конфликта. Как разорили Российскую империю Николая II выродившиеся дворяне в 1914–1917 годах.

Хорошей иллюстрацией к теории элит является самый тяжелый кризис, в котором оказалась русская монархия, – восстание Пугачева. На дворе 1773 год. Екатерина Великая блистает на троне России. Два года как взят Крым. Три года как присоединены Бессарабия и часть Молдавии. Год назад первый раз разделена Польша – России досталась Восточная Белоруссия с Могилевом, Полоцком и Витебском. Идет русско-турецкая война, в которой Екатерина явно выигрывает у османов. Великий фаворит в Чесменской битве сжигает весь турецкий флот, скрывшийся в бухте. Екатерина, русская императрица с германскими корнями, является самым влиятельным правителем Евразии в 1773 году.

На постаменте «Медного всадника» в Петербурге написано: «Петру Первому – Екатерина Вторая». Действительно, именно Екатерина довела до совершенства дворянскую модель, заложенную Петром. При Екатерине проект «дворянство» привлек плеяду талантливых и амбициозных людей в правящие элиты. Братья Орловы, Григорий Потемкин, полководцы Суворов и Румянцев, французские эмигранты де Рибас и Дюк де Ришелье, заложившие Одессу, – все это плеяда русских гениев, которых объединила вокруг себя Екатерина II. Но сделала она это с помощью модели обновления правящих элит, которая была внедрена в России Петром I. Дворянство позволяло выделять таланты и укреплять ими государственную власть. Одновременно с властью новые «дворянские» правящие элиты получают доступ к капиталу. В пользу дворян вводятся новые налоги, крестьян окончательно закрепощают и превращают в частную собственность.

А если учесть, что дворян в то время в России было чуть более 1 %, то естественно, что противоречия в обществе назревали. Дворяне как правящая элита (1 %) вместе с духовенством (0,5 %) оказались окружены мещанами, зажиточными крестьянами и ремесленниками (40–50 %), нищими крестьянами, батраками и разнорабочими (40–50 %). Отдельно стояли казачество (2,5 %) и инородцы (6,5 %), как тогда называли все неправославные народы империи –

калмыков, азербайджанцев, татар, киргизов и тувинцев. Вот, например, социологический слепок общества Российской империи 1897 года – через 100 лет после смерти Екатерины Великой структура общества практически не изменилась.

За 200 лет с дворянством происходили диалектические парадоксы. С одной стороны, во внешней политике Екатерина побеждает с помощью дворянства – новые правящие элиты ведут вперед армии, закладывают новые города и строят непобедимый флот. А с другой стороны, в политике внутренней то самое дворянство становится причиной невиданного Пугачевского бунта, по размерам сопоставимого с Гражданской войной 1918–1923 годов.

Итак, Екатерина блистает во внешней политике. Громит Турцию, делит Польшу. И тут глубоко в тылу – в Оренбургской губернии – зарождается восстание, быстро переросшее в гражданскую войну. Хотя началось это восстание как обычный локальный бунт бедного уральского/яицкого казачества.

Каждый год то тут, то там бузили бедные казаки. Дело в том, что внутри казачества как сословия также зародилась своя правящая элита, которая стала контролировать финансовые потоки, выделяемые из столицы на нужды казаков. Казак во времена Екатерины II – это что-то вроде вооруженного свободного крестьянина, который должен и хозяйство вести, и еще его государство нагружает дополнительными задачами. То надо торговый караван из Бухары в Оренбург сопровождать, то прочесывать заросли Урала/Яика в поисках беглых каторжников, то караульную службу нести – много задач нарезала империя казаку. За это казак считался человеком вольным, от налогов освобожденным и за военную службу получающим награду от государства. И вот вольному казачеству на Южном Урале, впрочем, как и везде, казацкое начальство по несколько лет не выплачивало жалованье. Так же нещадно облагали местными поборами и податями простых крестьян. Время от времени происходили бунты, на которые в Петербурге смотрели сквозь пальцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.